

*О гендере, нации и классе в посткоммунизме*¹

Елена Гапова

... место женщины в социальной жизни не является в прямом смысле результатом того, что она делает, но того, какое значение придается ее деятельности в рамках конкретных социальных взаимодействий.

*Мишель Розальдо*²

Некоторые исследователи посткоммунизма считают его основным результатом реконфигурацию гендерных отношений в сторону формирования системного превосходства мужчин над женщинами³. Другие называют главными событиями конца XX века образование независимых национальных государств в Евразии. Полагая, что Советский Союз был «тюрьмой народов», а причиной его распада стал национальный вопрос, они трактуют постсоветские национальные конфликты, включая войну в бывшей Югославии, как следствие советской этнической политики. Еще один результат посткоммунизма - это «исчезновение социальной защищенности» и «общее обнищание» населения. Тема гендерного неравенства наиболее часто возникает именно в этом контексте.

Я полагаю, что все названное - не разные явления, а проявления одного общего, а именно классобразования. Основной процесс, происходящий в нашей части света в явном виде с 1991 г., но начавшийся ранее и ставший видимым во время перестройки, есть формирование экономического неравенства. Моя гипотеза состоит в том, что создание независимых национальных государств стало той формой, которая позволила легитимировать формирование классов, представив весь процесс как «освобождение народов». На самом деле причиной распада СССР явилось вызревание «классов» и замена статусного неравенства экономическим, т.е. борьба различных типов элит. Гендер же есть то наиболее элементарное социальное разделение, вне которого невозможны ни национальные, ни классовые преобразования, поэтому реконфигурация гендерных отношений с необходимостью в них присутствует. Это последнее важно

для понимания причин слабости постсоветского женского движения, действующего в рамках «других» политико-социальных проектов. Ниже я постараюсь свести воедино три категории социальной стратификации - гендер, нацию и класс - в их взаимодействии в постсоветских странах.

От класса к нации

Михаил Горбачев в своей книге «Перестройка», перечисляя причины, подтолкнувшие его к осознанию необходимости перемен, указывает на неудовлетворительный уровень потребления, а также возникшее у многих стремление к наживе⁴. Эти тенденции очевидны в культурных свидетельствах времени, например, фильме начала 80-х «Блондинка за углом» (с Андреем Мироновым и Татьяной Догилевой). Сюжет его таков. Он - тридцатипятилетний астроном, «интеллигент в очках», ушедший работать грузчиком в универсам. Шаг этот, ставший предпосылкой для комедии, был хоть и гротескным, но понятным советскому человеку. В обществе, где водители автобусов получали больше врачей, интеллектуальные профессии теряли престиж, и слово «инженер» стало синонимом неудачника. Теперь работа героя - приносить в торговый зал пакеты с луком и картошкой, и в выполнении ее он неадекватен, как Пьер Безухов на Бородинском поле.

Она - молодая продавщица, «розовая блондинка», наивная, но прекрасно сознающая те преимущества, которые несет с собой «работа в торговле» в условиях постоянного дефицита всего. В отличие от астронома, Она не беспокоится о том, что дело ее жизни лишено драйва и социального признания, потому что свидетельства своей нужности людям получает ежедневно. Обладая связями в разных сферах, Она имеет доступ к любым товарам, услугам или культурным событиям. Жалея неуклюжего сослуживца, Она вместе с тем испытывает благоговение перед его рассеянностью и неприспособленностью, видя в них знаки принадлежности к особой группе, в которую, несмотря на все свои связи, она не вхожа.

Они начинают встречаться, и Она показывает ему социализм, о существовании которого Он не подозревал: мир элитных ресторанов, ведомственных саун, закрытых кинопросмотров и театральных премьер; все удовольствия для избранных, вплоть до празднования Пасхи в подмосковном монастыре, что в условиях государственного атеизма является апофеозом элитарности. Поэтому на Всеночную собирается весь бомонд: московская богема, западные дипломаты, а также нужные люди (нУжники) - директора магазинов, слесари автосервиса и билетные кассиры, которые могут достать итальянскую плитку, финский унитаз и билеты на юг в разгар сезона. Иначе говоря, все те, кто «заведует» распределением в обществе, где итальянской плитки на всех не

хватает и где вдруг все одновременно начали осознавать, что без нее счастья быть не может.

Она мечтает о совместном будущем: их сын будет учиться в дипломатической академии и станет послом, а друзьями у них будут известные писатели и актеры. «А почему они будут с нами дружить?», - спрашивает Он. «Потому что им тоже нужны вещи», - отвечает Она. Постепенно все это начинает его беспокоить, и Он взрывается, когда во время многолюдной свадьбы в ресторане, где присутствуют десятки чужих ему, но нужных людей, появляется бывший его руководитель, чтобы сообщить, что из того сектора космоса, наблюдением которого Он занимался, получены странные сигналы. «Возможно, мы не одни во Вселенной», - объявляет тот, но нужны дополнительные наблюдения, а единственный свободный радиотелескоп находится на Дальнем Севере. Эти слова тонут в реве ресторанной толпы, которая, ликуя по поводу научного открытия, на самом деле приветствует свое включение в мир «культуры и науки». Присутствие при объявлении открытия является актом легитимации «нужных людей» в этом прежде недоступном для них пространстве.

Потрясенный, сорвав с себя импортный костюм, Он убегает со свадьбы, во время которой то, что было для него свято, оказалось превращенным в предмет потребления. Он бежит по улице назад к своим звездам, а Она бежит следом, умоляя его остановиться. Заканчивается фильм триумфальной кодой: одетый в арктический костюм, Он возвращается со смены у телескопа в занесенную снегом избушку, где Она купает их маленького сына. Это была небольшая социалистическая ложь, «навешанная» на, в общем-то, правдивую историю. Правда ее состояла не в адекватном изображении повседневности, а в выражении коллективного бессознательного зрелого социализма.

На тему, обозначаемую в позднесоветское время словом «вещизм», было снято множество фильмов: «Гараж», «Старый Новый год», «Валентин и Валентина» (в основе фильма - конфликт социальных статусов двух влюбленных), «Шапка» (сюжет построен на составлении списка на выделение ондатровой шапки, для чего надо определить, кто ее достоин), «Курьер»; в театре - «Смотрите, кто пришел» В. Арро, «Энергичные люди» В. Шукшина.

Социальное беспокойство, которое вскрывает «Блондинка», связано с возникновением зачатков стратификации, основанной на обладании «ценными товарами» в обществе, где прежде экономическое неравенство было очень невелико. Советская социальная стратификация была, в отсутствие рынка, не экономического, а статусного свойства и напоминала феодальное сословное разделение. Доступ к редким и поэтому ценным «товарам» осуществлялся не через посредство цены (редкое стоит дороже, а потому купить его может меньшее количество людей), а через централизованное распределение: списки, столы заказов, ведомственные санатории и т.д. «Товары» (как материальные, так и символические) получают те, кто имеет соответствующий статус, часто до-

бытый демонстрацией верности режиму. Для интеллигенции одним из показателей статуса была возможность читать «редкие» тексты, которые являлись «ценным товаром» (почему доступ к спецхрану и охранялся столь рьяно).

Принадлежность к привилегированной группе увеличивала карьерные и жизненные (получение повседневных благ) возможности, а потому столь важны были символы идентификации с ней (подписка на Ключевского как знак идентификации с интеллигенцией). Однако в целом интеллигенция была недовольна своим положением (ее статус стоил все меньше, а доступ к реальным товарам был ограничен), как, впрочем, не были довольны и те, кто распределял - нужные люди (снизу) и коммунистическая номенклатура (сверху). Критическая масса людей рассматривала советскую систему распределения ресурсов (подразумевающую и политические ограничения) как несправедливую: она была для них тесной, и они выросли из нее, как князь Гвидон из бочки. Власть и ресурсы, т.е. социальный капитал, которым они обладали, не был связан с собственностью и даже не мог быть передан детям, поэтому был желателен переход к другой модели - распределению посредством рынка. Болгарский социолог Демитрина Петрова написала еще в 1994, что произошедшее в начале 90-х, было не демократизацией, а высвобождением класса⁵, хотя вернее было бы сказать, что произошла легитимация возможностей для его формирования, т.к. готового класса тогда еще не было: никто не владел собственностью.

Однако процесс замещения статусного неравенства экономическим нуждался для своей легитимации в демократическом нарративе. Хотя материальная причина изменений состояла в переходе к иному способу распределения, в основе которого лежит иная, не социалистическая, идея социальной справедливости, нужна была такая мотивация, с которой люди могли бы идентифицироваться. Их невозможно позвать на баррикады, сказав: «Мы тут строим экономическое неравенство - присоединяйтесь к нам!» Ресурсом, который позволил мобилизовать массы, стал национализм: национальные проекты оправдывали постсоветский социальный порядок, давая восстающему новому классу «благородную» цель.

Под национализмом я понимаю как чувства, так и социальные движения, которые определяют себя в терминах национального (хотя это слово может и не произноситься): воображенной общей истории, общего происхождения, культуры, судьбы, языка, национального угнетения и т.д. Националистический дискурс в явной форме был начат во время перестройки некоторыми группами интеллектуалов (которые, как оказалось, артикулировали интересы нарождающегося класса) и а в некоторых случаях - коммунистической номенклатурой, ставшей впоследствии во главе новых национальных государств.

Самым первым пространством, которое могло трактоваться как национальное, а потому было политическим, стала культура: во всех постсоветских

странах огромное количество национальных политиков начинали в группах, занимающихся восстановлением исторических памятников, археологическими раскопками и т.д. Те, кто артикулировал национальную идею, определяли ее как свободу: свободу «знать правду о своей истории» (т.е. конструировать ее несоветскую версию), свободу читать национальную литературу (т.е. осуществлять цензуру на других основаниях), свободу говорить на национальном языке и т.д. Таким образом, в конце 1980-х в каждой из республик существовал «пакет претензий», соотносивший социализм с воображенным национальным угнетением: советской оккупацией в Прибалтике, отсутствием независимой государственности и языковыми «контраверсами» в Белоруссии и на Украине, спорными территориями на Кавказе, истощением национальных ресурсов в Казахстане и сталинскими преступлениями против народов - повсеместно. В России претензии фокусировались на ностальгии по былому величию: якобы утерянной высокой культуре, истощенной природе, выкорчеванному крестьянству, уничтоженной аристократии - и артикулировались в рамках дискуссии о повороте северных рек, в творчестве писателей-деревенщиков или - в «западной перспективе» - на страницах первого глянцевого журнала «Наше наследие», преподносившего «национальное достояние» уже как рыночный, т.е. соответствующим образом упакованный, продукт.

Исходя из этого «перечня обид», общества начали требовать независимости от «других», которые «оккупировали», «истощали ресурсы», «убивали национальных поэтов», «не давали говорить на родном языке», «уничтожали национальные святыни», «использовали наши земли под свои военные базы» и т.д. Дело не в том, являлось ли угнетение истинным или воображенным, а в том, что в это время национальный вопрос в своих различных инкарнациях приобрел чрезвычайную важность, т.к. национальности, как пишет Кэтрин Вердери, были единственными в тот момент организационными формами, имевшими институциональную историю⁶. Б. Ельцин на танке во время августовского путча ассоциировался с российским триколором как символом делегитимации старого режима (т.е. демократизацией) и возрождением России. Книгоиздатель Игорь Немировский, вернувшийся из годичной эмиграции, вспоминает:

Я в 91-м году вернулся, оказался в Москве как раз, когда путч происходил. 21-го августа как раз присутствовал у Белого дома, когда вместо красного флага взвился "триколор". Ревел как бык, когда Борис Николаевич назвал нас "дорогими россиянами". Как-то мне показалось, что в тот момент моя жизнь определилась. Я потом много раз отказывался от этого моего состояния, говорил, что - все, гори они огнем, но возвращался к нему. В этот момент очень много в моей жизни определилось, я бы сказал.⁷

Важно то, что «возрождение нации» подразумевало обязательный переход к рынку. Национальное стало тем принципом, который позволил представить происшедшее в 1991 как «справедливое», т.е. стал способом легитимации других элит и другой системы неравенства. В то время классы еще не были «готовы» (не вполне они готовы, очевидно, и сейчас), но изменение системы распределения ресурсов запустило механизм стратификации в явном виде. В постсоветском мире рыночная экономика вместе с либеральной демократией, и, с другой стороны, социализм с его внеэкономическим принуждением в качестве различных способов распределения ресурсов оказались «завернуты» в национальный дискурс. Это очень хорошо видно в Беларуси, где оппозиция - неолиберальные и/ли националистические интеллектуалы - пропагандируя национальную независимость, права человека, свободные цены и рынок, которые кажутся им универсальными ценностями, не могут понять, почему люди, потерявшие при распаде СССР больше, чем получили, «отвергают национальный язык» (вообще корпоративные интересы интеллектуалов в национальных играх - особый вопрос). На самом деле они отвергают не язык, а новую систему неравенства. Президент же выступает за «объединение с Россией» (т.е. якобы за «денационализацию») и, представляя собой реинкарнацию принципа «государство - это я», «он» платит пенсии и пособия, «он» сохраняет бесплатное медицинское обслуживание, «он» ограничивает цены (они, правда, все равно растут) и т.д. Распределяя ресурсы «по потребностям», он сохраняет систему, которая для тех, кто неуспешен в условиях рынка, воплощает социальную справедливость.

Дискурс *за* и *против* «национального» на самом деле есть выражение классового беспокойства: речь идет не столько о национальном чувстве, сколько о классовых интересах. Под классом я в данном случае понимаю не отношение к средствам производства, как это видится в марксизме, а распределение жизненных возможностей вследствие действия рынка (веберовская перспектива). Как указывает финский исследователь Тиимо Пиранен, стратификация имеет место, когда «жизненные возможности разных групп населения распределены неравномерно, являясь коллективным результатом деятельности отдельных экономических агентов, различающихся по своей власти на рынке».⁸

Нация всегда является только символом и поэтому может служить легитимации различных социальных движений и действий, имеющих очень разные цели: группы конкурируют между собой, пытаясь застолбить свое право на определение символа и его легитимирующие воздействия⁹. В одном случае националистами могут быть рыночники, в другом - сторонники социализма. Например, как указывают Утэ Вайнман и Влад Тупикин, в России все «левые» организации (отрицающие рынок) могут в той или иной степени считаться националистическими¹⁰.

Хотя безусловно, социальная текстура посткоммунизма - в смысле групп, агентов, интересов и т.д. - сложнее, чем здесь представлено, однако везде борьба за «национальную независимость», «возрождение» или любой другой национальный символ, начатая интеллектуалами (и иногда аппаратчиками), предполагала покончить с социализмом. И везде в результате перемен элиты оказались вознаграждены в большей степени, чем те, кто выходил на улицы бывших советских столиц в конце 1980-х. И везде первые демократические правительства при строительстве демократии воссоздавали патриархатные гендерные системы. Или, вернее, патриархатные гендерные системы воссоздавались сами, «естественным» образом, т.к. определенная конфигурация гендерных отношений образует наиболее элементарную социальную стратификацию как для класса, так и для нации. Согласно Джоан Скотт, гендер есть «социальная организация полового различия», тот способ, при помощи которого конструируются и легитимируются отношения подчинения/доминирования между мужчинами и женщинами, являющиеся первичными при означивании отношений власти¹¹. Конкретные значения полового различия ре-конструируются каждый раз, когда происходит борьба за передел власти; и хотя эта борьба всегда включает гендер, смысл ее не в изменении гендерных отношений как таковых, а в обретении той социальной власти, частью которой она являются. Именно гендер как категория наиболее элементарной социальной стратификации позволяет увидеть, каким образом взаимосвязаны класс и нация, т.к. и то, и другое, являются маскулинными социальными конструктами.

Гендер, нация и класс

Женщинам позволительно быть бедными, мужчинам - нет. Даже будучи бедными, женщины остаются женщинами - «таково их тело», и ничто, если только это не что-то чрезвычайное, не может изменить такого представления об их сущности. Совсем иначе обстоит дело с мужчинами. Мужественность (маскулинность) - это не тело (или не только тело), и те, кто беден, даже обладая биологическими признаками мужчины, теряют значительную часть того, вокруг чего она выстраивается. Речь идет о нормативной мужественности: «он мужчина», а потому платит в ресторане. Обратное также справедливо: он платит в ресторане, и это делает его мужчиной (женщина, которая платит в ресторане, не доказывает таким образом свою женственность). Белорусская журналистка выражает такое популярное видение мужественности через отрицание у той части постсоветских мужчин, кто обладает недостаточными ресурсами:

*Быть мужчиной. Это значит, быть мужем, отцом, хозяином в своем доме, своей семье, своей судьбе, наконец! Но легко ли сегодня... быть мужчиной? С несчастным заработком рабочего или колхозника? С крошечным пособием, которое почему-то называется зарплатой?*¹²

Сара Эшвин и Татьяна Лыткина, исследовавшие поведение и идентичность малоимущих и безработных российских мужчин, приходят к выводу, что потеря маскулинной роли «кормильца» или, по крайней мере, «не иждивенца» порождает сомнения в их мужественности¹³. Мужчина, у которого нет денег, воспринимается как не совсем мужчина, и в посткоммунистической ситуации таких немало.

Однако озабоченность недостатком мужественности в нашей части света возникла не сейчас: ее первые признаки появились еще в конце 60-х, когда повышение жизненного уровня советских людей (положившее начало экономической стратификации) было объявлено одной из задач новой Программы КПСС. Как указывают Е. Здравомыслова и А. Темкина в работе о кризисе советской маскулинности, толчком к широкой дискуссии на эту тему стала опубликованная в «Литературной газете» статья Б. Урланиса «Берегите мужчин». На основе анализа практик мужской жизни - низкой ее продолжительности, роста заболеваемости и несчастных случаев, самодеструктивных практик - алкоголизма, курения, неумеренности в еде - «выстраивалась своеобразная теория виктимизации мужчин, согласно которой (советские - Е.Г.) мужчины рассматривались как пассивные жертвы собственной биологической природы или структурно-культурных обстоятельств». В качестве мер по спасению вымирающей мужской популяции предлагалась выработка государством особой социальной политики, а также активизация заботы со стороны женщин, которым предписывалось записывать их к врачам, ограничивать потребление жирного, готовить здоровую пищу и т.д.¹⁴

Отсутствие навыков записи к врачам не свидетельствует о природной слабости. Мужчины не были слабыми, а воспринимались таковыми из-за отсутствия возможностей для формирования той традиционной модели маскулинности, которая выражается через наличие у них особых ресурсов. Диссидентка Анна Наталия Малаховская, выдворенная в 1980 г. из СССР за феминистский самиздатовский журнал «Мария», вспоминает, что в одном из номеров была опубликована статья о том, что *советский образ жизни* разрушает те самые сферы, где мужчины могут проявить свою мужественность и, таким образом, «делает» их слабыми¹⁵. Иначе говоря, в рамках советского гендерного порядка было сложно «подтвердить» маскулинность, т.к. она конструируется за счет наличия особых ресурсов, т.е. связана с социальным статусом или классом. Классовая принадлежность - это вопрос ресурсов, и недостаточная

мужественность советских мужчин была проблемой класса или, вернее, его отсутствия. В советском обществе мужчины не обладали системным преимуществом над женщинами в обладании ресурсами (в некоторой степени обладали, конечно, но в целом женщины получали ресурсы не от отдельных мужчин, а от государства), и в какой-то момент общество начало воспринимать такое положение дел как «неудобное». Когда в начале перестройки Михаил Горбачев назвал освобождение женщин от двойной нагрузки, на работе и дома, которая, по его мнению, явилась причиной многих общественных проблем, и возвращение их к своему «истинному предназначению», одной из перестроечных целей¹⁶, он выражал именно эту общественную озабоченность. Характерно, что параллельными задачами были объявлены гласность и демократизация, т.е. все буржуазные ценности - традиционная семья и свобода слова - оказались в «одном флаконе».

Учитывая происходящее в постсоветских странах конструирование новых отношений доминирования и подчинения, становится понятной тенденция, называемая некоторыми исследователями «подъемом» или возрождением маскулинности. Они отмечают, с одной стороны, «прославление» мужественности и мужской силы, и, с другой, - переопределения женского через концепты сексуальности и заботы: дискуссии об абортах и репродукции, сексуализацию и объективацию женского тела, которое конструируется не просто как сексуальное, а как генитальное¹⁷, удаление женщин из публичной жизни, передачу функций ухода и заботы в «женские руки» (вместо государства) и т.д. Эти «классовые» (связанные с практическими и символическими процессами классовообразования) переопределения женского обычно происходят не открыто, а в рамках «национального возрождения». Национальная идея позволяет «оправдать» систему классового и гендерного неравенства, прикрывая ее истинные значения более «благородным» национальным интересом. Для этого необходимо доказать, что нации угрожает опасность, что обычно и происходит при отождествлении «тела нации» с телом женщины.

Белорусский оппозиционный лидер, вынужденный эмигрировать в 1996 г. под угрозой преследования и потому имеющий ореол мученика за идею, приравнивает людские потери от войн «с Москвой» (в XVI-XVII вв., когда погибло около половины населения Великого Княжества Литовского) с потерями от абортот и контрацепции, считая и то, и другое частью геноцида против белорусского народа:

Русские использовали войну и даже военные действия с целью геноцида белорусского народа... Затем, продолжая медицинский геноцид, они выработали вредную политику ограничения белорусской нации и убийства человеческого зародыша в женском лоне... Если белорусское общество не освободи-

дится от агрессии русского империализма и наследия Чернобыля, то в XXI веке не останется ни одного белоруса. Вся нация вымрет, до последнего человека.¹⁸

В этой позиции (она считается экстремальной) «европейские» взгляды в политической сфере (белорусская оппозиция провозглашает «возвращение в Европу») соседствуют с патриархатными в вопросах репродукции и контроля над женским телом, т.к. свобода и равенство являются атрибутами братства, из которого женщины исключены:¹⁹ у них другая роль. В любом национализме они несут бремя репрезентации нации как ее символ и ответственны за ее биологическое и культурное воспроизводство.²⁰

Миссия русской женщины в истории народа огромна. Рожая по десять-двенадцать здоровых, полнокровных детей, выкармливая их обильным молоком, воспитывая на колыбельных песнях, сказках, церковных балладах, русская женщина наплодила жизнелюбивый, деятельный, богомыслящий и добрый народ, кому было дано освоить громадные просторы Евразии, создать небывалое государство, не просто сочетающее в себе множество вер, языков и культур, но и обращенное на единое для всех народов Откровение в Любви и Благодати. Это всепримиряющее откровение, эту женственную, свойственную России доброту несли в себе русская крестьянка и дворянка, солдатка и монахиня. Удар, которым Россия выламывается сегодня из истории, - есть, в том числе, и удар по русской женщине, которую лишают святости деторождения, пропускают сквозь абортарии, ведут в амбарных книгах строгий учет неродившимся русским воинам, ученым и пахарям²¹.

Тело женщины, как и тело нации, становится полем битвы, т.к. может быть использовано для конструирования мифа о происхождении, исторической непрерывности или расовом превосходстве. Белорусский поэт в разгар политических дебатов о независимости, связанной с созданием государственного мифа, писал:

«У расейцев сабли косые, У
расейцев очи Батыя, Конския
хвосты за плечами, Потная
кобыла - отчизна.

Не попади под сабли косые,
Не поверь очам Батыя,
Не седлай жеребой кобылы,
Доведет она до могилы.

У меня ж своя есть могила,
И она меня полюбила,
Полюбила сыном и мужем,
Как жену, я бил ее гужем.
А я бил-пытал:
Разве мало до меня с чужими ты спала?
"Спала с москалем;
Спала с ляхом,
Но была постелью мне плаха.
Спала с твоим батькой-литвином
(т.е. жителем Великого Княжества Литовского - Е.Г.),
А теперь с тобой - моим сыном.
Посмотри-ка в речки лесные -
Разве у тебя очи Батгя?
Разве конский хвост за плечами?
Посмотри, с кем спала отчизна!"

Интеллектуальное беспокойство относительно легитимности нации, которая должна себя «доказать» (поляки? русские? или все-таки отдельный народ?) в связи с обретением государственности, интерпретируется как проблема женской чистоты в контексте национальной мифологии. Образ женщины-нации, которая не отдает себя насильнику-колонизатору, связан в белорусском национальном воображении с Рогнедой, дочерью полоцкого князя, жившего в X веке. Когда, как гласит легенда, она отвергла киевского князя Владимира, тот захватил Полоцк, убил отца и братьев Рогнеды и увез ее в Киев. Считается, что позже Рогнеда вернулась на родину вместе с сыном-подростком, защищавшим ее от своего brutального отца, который тем временем крестил Русь, и основала город Заславль, где находится ее могила или то, что считается ее могилой. История Рогнеды, ставшая основой балета и многочисленных литературных интерпретаций, является частью культурной «битвы за Беларусь». Она противостоит исторической версии, согласно которой Киевская Русь являлась колыбелью восточнославянской цивилизации, утверждая существование на полоцких землях древнего государства, которое не желало входить в состав Руси ни тогда, ни позже. В противопоставление советской версии национальной истории, она дает возможность интерпретировать включение белорусских земель в состав России (при Екатерине) как захват и «конкисту»:

В течение многих лет в наших школьных учебниках и других изданиях писалось, что на протяжении столетий белорусы пытались объединиться с братским русским народом и жить с ним в одном государстве.

Это неправда.

Белорусы уважали соседний народ... но они никогда не хотели быть под русскими царями. Они слишком хорошо помнили, как Иван Грозный убил и заточил в тюрьму жителей Полоцка. Они помнили, как через сто лет русские воеводы приказали убить всех жителей белорусского города Мстислава... Навсегда осталось в памяти народа, как солдаты Петра Великого взорвали главный храм нашей страны, Софийский собор в Полоцке.²²

— излагает издание 1996 года невозможную прежде версию национальной истории для детей. Взрослая версия - стихотворение - эротизирует захват, изображая женщину «честью нации». В истории, представленной образами «секса и конкисты», артикуляция национального происходит через противопоставление «колонизатору» (в данном случае - России), который угрожает изнасилованием женщины-нации. Политический лозунг, который вырастает из сексуальной метафоры, провозглашает мужественность и даже потенцию условием независимости, потому что в культурных построениях сообществ, которые переопределяют себя относительно могущественных «других» (что происходит в колониальных и постколониальных странах) слабые, «кастрированные» мужчины видятся идиомой бессилия в отношениях с колонизатором. Если Беларусь переопределяет себя в отношениях с Россией, ее могущественным Другим, то Россия - в отношениях с бывшими сателлитами и Западом:

Когда-то давным-давно Варшава была нашей, ну не такой, может, нашей, как Крым или Гагры, хотя и такой она тоже была, только уж это было совсем давно, при царях. Но все-таки на моей памяти она была пусть и нашей, однако не окончательно нашей, и в этом был какой-то особый смысл. Внешне ручная, покорная, она стремилась куда-то от нас бежать или спрятаться, ее хватили за руку, она как-то странно вела себя, то вырывалась, то не вырывалась и при этом еще смеялась, как будто девушка. В общем, она была живая. Теперь Варшава так далеко от нас убежала, что поляки больше не считают себя Восточной Европой...²³

- сожалеет о былом величии Виктор Ерофеев, один из авторов вошедшего в историю «Метрополя», представляя другую страну как женщину, которая когда-то была «нам» подвластна. Потеря женщин, принадлежащих нации, т.е. воображенному мужскому братству, ее использование другими - метафора слабости России в отношениях с Западом или Востоком - в любом случае, международным капиталом:

Русские мужики прекрасно знают, но безвольно и благодушно молчат о том, что страна превращена в огромный бордель, что растлеваются почти поголовно будущие матери, невесты, почти все молодые женщины... Но кто их остановит, кто встанет на пороге? Кто заставляет себя не видеть многотысячные потоки русских секс-рабынь за границу, где наших красных девок делают подстилками хрюкающих европейцев, израильтян, турок, китайцев? Пока их жены будут рожать и спокойно растить детей, наши бабы станут потеть и превращаться в старых шлюх под похотливыми чужими телами²⁴.

Чтобы противостоять грабежу, требуется мужская сила - ведь она равновелика силе нации - но в конечном итоге она равна классовому положению мужчины.

Посткоммунизм уже произвел некоторое количество «сильных мужчин» или, вернее, мужчин, которых никогда не обвиняют в слабости. Это «новые богатые». В постсоветской культуре с этой группой связываются некоторые устойчивые метафоры: в кино, литературе и анекдотах их часто изображают вооруженными амбалами с золотой цепью на волосатой груди. Между тем, Борис Березовский вовсе не производит впечатление физически сильного человека; по данным социологических исследований, олигархи не похожи и на пьяных бандитов из городского фольклора. Действительно богатые и могущественные (а это почти всегда мужчины) на постсоветском пространстве хорошо образованы и обладают широкими связями. Эрик Ширяев в статье об имущественном неравенстве в новой России пишет, что «большинство молодых предпринимателей, банкиров или торговцев недвижимостью ... были подготовлены к своему новому старту в недрах советского истеблишмента»²⁵, где входили в партийную или комсомольскую номенклатуру.

«Мафиозные» репрезентации нового класса вызваны его пристрастием к экономическому накоплению, что «символически исключает новых богатых из рядов культурных людей, какими бы ни были их объективные культурные достижения»²⁶. Даже не обязательно являясь физически сильными, они, тем не менее, всегда видятся мужественными. Их мужественность, основанная на обладании ресурсами, обязательно включает и контроль над женщинами: с одной стороны, интенсивное сексуальное потребление женщин, с другой, - их «одомашнивание»: защиту, заботу и помещение внутрь частной сферы. Эти тенденции кажутся противоречащими друг другу, но на самом деле являются двумя сторонами одной стратегии, просто применяемой по отношению к разным группам женщин.

Визуализация мужской сексуальной мощи, происходящая при сексуальном потреблении женщин, является эффективным способом «артикуляции» классовой принадлежности, потому что связана с покупкой женщин. Глянцевые мужские журналы с «высококласной» порнографией²⁷, как и индустрия «элитных» секс-услуг, возникли в ответ на спрос новых богатых. Смена «старых» жен на новых (т.е. молодых) - своего рода норма среди постсоветской генерации крупных предпринимателей²⁸ - функционирует как способ демонстрации мужского статуса. «Новый класс» потребляет женщину так же, как одежду, еду или путешествия: *«Но куда приятнее, бросив в чемодан вечерний пиджак, несколько рубашек, пяток разных маек, легкий свитер и пару светлых брюк, взять лучшую девушку в городе и улететь на далекий остров Барбадос»*, - учит мужской журнал «GQ»²⁹.

Владение женщинами и их потребление есть классовый маркер, который выполняет функцию наделения маскулинностью как атрибутом «западного», т.е. капиталистического - в смысле обладания ресурсами, возможностей получения дохода и способов потребления - класса³⁰. По сути дела, «я мужчина, т.к. могу себе позволить женщину», т.е. принадлежу к определенному классу, а ограничение доступа женщин к ресурсам, в том числе как жен, которых полностью обеспечивают³¹, и маркирование их в качестве «непроизводительных» и предметов обмена встроено в процесс формирования класса. Женщины, которые репрезентируют класс, публично утверждают свой экономический статус не через покупку мужчин, т.к. это дискредитировало бы их женскую привлекательность, но через свободу сексуального выбора. Ирина Хакамада, сказав в телепередаче «Квартирный вопрос» (2002 г.): «Я люблю нравиться мужчинам, поэтому я хорошо одеваюсь. Я люблю свое тело, поэтому я занимаюсь спортом», - подтвердила свою статусность. Для женщин иного класса, если они решаются признаваться в любви «ко всем мужчинам», в культуре заготовлено особое слово.

Но в целом система построена на том, что женщина должна быть объектом обмена в том смысле, который обмену женщинами придавала Гейл Рубин, т.е. основой для выстраивания социальных отношений между мужчинами, а потому «непроизводительной». Профессиональные женщины рассматриваются как угроза социальному порядку и «естественному» ходу вещей, поэтому их профессионализм (т.е. «право» зарабатывать деньги) постоянно подвергается сомнению и высмеивается³².

Одомашнивание женщин обычно происходит не непосредственно, а в рамках процесса воображения нации. Когда во время президентских выборов 1996 г. Никита Михалков сказал по телевидению «Ельцин - мужик, а Россия - существо женского рода», имея в виду, что Россия должна подчиниться, он пользовался именно этим ресурсным механизмом. Однако хоть национальная идея и позволяет скрыть отношения власти, исключение женщин происходит

все же вследствие процесса формирования экономического неравенства, а не вследствие национализма, который не имеет - по крайней мере, в европейских культурах - механизма для этого.

Однако одновременно с новыми богатыми постсоциализм произвел и новых бедных. В результате движения от статуса к классу значительная часть (в основном гуманитарной) интеллигенции (не только ее, конечно, но именно интеллигенция занята артикуляцией национального) оказалась на обочине. Потеряв те статусные привилегии или хотя бы символическую власть, которыми они обладали при социализме, когда писатели и поэты были «властителями умов», интеллектуалы, за редким исключением, не вошли в ряды новых богатых: те вышли из технократии и номенклатуры. Эмоциональная националистическая риторика служит в этом случае обличению социальной несправедливости, а самой частой метафорой является - «Россию продали»:

Скинхеды, а попросту русские дети безработных родителей, братья изнасилованных сестер, сыновья убиваемого народа, чья численность сокращается по миллиону в год, как если бы Россию оккупировал Гитлер,— сажаются за решетку, ими пугают кротких азербайджанских татов, которые уже скупили половину Москвы, владеют половиной рынков и ресторанов, важно заседают в префектурах, решая судьбы неразумных москвичей.³³

И класс, и нация «требуют» определенных конфигураций гендерных отношений и конструкций мужественности и женственности: сильных мужчин (их «сила» строится на обладании некоторыми недоступными женщинам ресурсами), которые защищают - или содержат - или «используют» женщин (и детей). Все национализмы гендерны, и если мужская сила равновелика «силе нации», то, в конечном счете, она тождественна классовому положению мужчины.

Вместо заключения

В классовом характере происходящих на постсоветском пространстве социальных процессов скрывается и причина отсутствия здесь сколько-нибудь значимого женского движения. В программе «К барьеру», показанной по НТВ 3 марта 2005 г., «профессиональная феминистка» Мария Арбатова не могла объяснить своему оппоненту, чего, собственно, «не хватает» женщинам, т.е. не смогла доказать существование угнетения. «Не могут» его доказать, в том числе и при помощи статистики, и женские организации, фонды и исследователи: общество, включая и значительную часть женщин, угнетения гендерного, т.е. угнетения со стороны мужчин, не видит. Я полагаю, что причины этой сле-

поты не культурные, а структурные: они не (или не только) в отсутствии интеллектуальной феминистской традиции, опыта социального движения или недостатке ресурсов, хотя все это значимо, но в самой природе социального процесса в регионе, который кардинально отличен или даже противоположен тому, который породил западную «третью волну». Если сутью того процесса было смягчение классовой структуры, которая стала менее жесткой, т.к. произошло перераспределение доступа к ресурсам, то постсоциализм породил усиление классового разделения через экономическое неравенство. Именно это кажется тем женщинам, чье положение ухудшилось, главной причиной этого ухудшения, а рядом с собой они видят огромное количество мужчин, чье положение выглядит не менее отчаянным. Как писала в ответ на белый феминизм антирасистская феминистка Белл Хукс, «Поскольку мужчины не являются равными в обеспечивающей господство белых капиталистической патриархатной классовой структуре, то с какими мужчинами женщины хотят быть равными?»³⁴

-
- ¹ Некоторые положения этого текста опубликованы в: «On Nation, Gender and Class Formation in Belarus... and Elsewhere in the Post-Soviet World», *Nationalities Papers*, vol. 30, No.4, 2002, pp. 639-662.
- ² M. Rosaldo, «The Use and Abuse of Anthropology. Reflections on Feminism and Cross-Cultural Understanding», *Signs*, No.5, 1980, p. 400.
- ³ См., например: P. Watson, «Civil Society and Politicization of Difference in East Central Europe», in J. Scott, C. Kaplan, eds., *Transitions, Environments, Translations: the Meanings of Feminism in Contemporary Politics* (New York: Routledge, 1997).
- ⁴ M. Gorbachev, *Perestroika. New Thinking for our Country and the World* (New York: Harper and Row, 1987), pp. 21-24.
- ⁵ D. Petrova, «What Can Women Do to Change the Totalitarian Cultural Context?», *Women's Studies International Forum*, vol. 17, Nos.2-3, 1994, pp. 267-269.
- ⁶ K. Verdery, *What Was Socialism, and What Comes Next?* (Princeton: Princeton University Press, 1996), p. 85.
- ⁷ URL: <euro.svoboda.org/programs/OTB/2001/OBT.081301.asp>.
- ⁸ T. Piirainen, *Towards a New Social Order in Russia. Transforming Structures and Everyday Life* (Dartmouth, 1997), p. 29.
- ⁹ Вердери К. Куда идут нация и национализм?, URL: <<http://antropotok.archipelag.ru/text/a197.htm>>.

- ⁰ Вайнманн У, Тупикин В. «Левые и национализм в России», *Неприкосновенный за пас*, №3 9, 2005; URL: <<http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=25011316>>.
- ¹ J. Scott «Introduction», *Gender and the Politics of History* (Columbia University Press, 1988), p. 2.
- ¹² Газета «Народная воля», №166, 1997, с. 3.
- ⁵ S. Ashwin, T. Lytkina, «Men in Crisis in Russia: The role of domestic marginalization», *Gender and Society*, vol. 18, No.2, 2004, pp. 189-206.
- ⁴ Здравомыслова Е., Темкина А. «Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе», *Омуже(Н)ственности*, ред. С. Ушакин (М.: НЛЮ, 2002), с. 435.
- ⁵ Малаховская Н. «20 лет тому назад в Ленинграде зародилось женское движение», *We/Мы (Диалог женщин)*, №9, 1999, с. 28.
- ¹⁶ M. Gorbachev, *ibid.*, p. 117.
- ⁷ Клименкова Т. Женщина как феномен культуры: взгляд из России (М.: «Преображение», 1995), с. 85.
- ⁸ Пазняк З. «Фізычнае знішчэнне беларускай нацыі», *Narodnaya volya*, 18.07.2001.
- ⁹ Carole Pateman, *The Sexual Contract* (Stanford: Stanford University Press, 1988), p. 114.
- ²⁰ См. об этом: N. Yuval-Davis, *Gender and Nation* (London: Sage Publications, 1997), pp. 39-67.
- ¹ Проханов А. «Плаха во чреве», *Завтра*, 9.04.2002.
- ²² Арлоў У. Адкуль наш род (Мінск: «Бацькаўшчына», 1996), с. 89.
- ²³ Ерофеев В. «Ностальгия по Варшаве», *Огонек*, №22, 2002; URL: <<http://www.ogoniok.com/win/200222/22-21-21.html>>.
- ²⁴ Масай А. Слабаки, URL: <<http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/03/521/61.html>>.
- ²⁶ E. Shiraev, «The New Nomenclature and Increasing Income Inequality», in B. Glad, E. Shiraev, eds., *The Russian Transformation. Political, Sociological and Psychological Aspects* (St. Martin's Press, 1999), p. 110.
- G. Faraday, *Revolt of the Filmmakers* (The Pennsylvania State University Press, 2000), p. 153.

- ²⁷ О мужских журналах см.: E. Borenstein, «About That: Deploying and Deploring Sex in Postsoviet Russia», *Studies in XX Century Literature*, Winter, 2000, pp. 51 -74.
- ²⁸ Юрчак А. «Мужская экономика: не до глупостей, когда карьеру куешь», *О муже(N)ственности*, ред. С. Ушакин (М.: НЛЮ, 2002), с. 257.
- ²⁹ «На отдыхе», *GQ*, 04.2002, с. 151.
- ³⁰ «Западный», т.е. «капиталистический» мужчина всегда видится сильным и мужественным, «не чета нашему»: «Ален Делон, Ален Делон говорит по-французски... он не пьет одеколон, он пьет двойной бурбон». Отблеск этой «славы» падает и на проституток, работающих с иностранцами: они, в некотором смысле, «не такие, как мы с вами». См., например, роман В. Кунина «Интердевочка».
- ³¹ «А счастливый конец романа выглядит так: „Костя согласился финансировать этот проект. И все остальные проекты в моей жизни тоже..." Не „покаялись жить долго и счастливо и умереть в один день", а вот - „ финансировать все проекты". И - знаете что? В этом есть простое человеческое счастье. Повседневное.» - пишет рецензент о книге про жизнь «девушек с Рублевки», т.е. жен и дочерей олигархов. Катя Метелица «Любовь, смерть и недвижимость», *Независимая газета*, 03.02.2005.
- ³² См., например: Климонтович Н. «О поголовной женской грамотности», *Независимая газета*, 01.03.2005. Предмет статьи - возросшее количество женщин в литературе, в том числе таких жанрах, как детектив, бульварный роман и т.д.
- ³³ Проханов А. Русские женщины рожают сталинистов, URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/02/443/1_1.html>.
- ³⁴ белл хукс «Феминистская теория: от края к центру», *Антология гендерной теории*, ред. Е. Гапова, А. Усманова (Минск: «Пропилеи», 2000), с. 237.